«БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ» 23 ОКТ 1962
Баку

ПОД ЗАНАВЕС...

ЗАМЕТКИ РЕЦЕНЗЕНТА

Право, это пишется «без заранее обдуманного намерения». В юридическом смысле такая формула может быть смягчающим обстоятельством, но на этот раз, действительно, так и было. На спектакль Московского нового театра миниатюр «Калейдоскоп» автор шел, не предполагая что-либо писать. Вместе со всеми смеялся, хлопал, стоял в очереди у вешалки... И скажу по секрету) это куда приятнее, чем прийти с жестким рецензентским намерением «дать оценку» и весь вечер чиркать в блокноте...

Да и что оставалось «чиркать»? Коллеги-рецензенты доброжелательно оценили «калейдоскопическую» работу театра, тепло сказали о его достоинствах и в меру — о недостатках.

Но об искусстве сколько ни говори, всегда останется что-то недосказанное. Вот почему показалось уместным сказать несколько напутственных слов театру. Хотя бы и под занавес.

Знакомство с театром было приятным. Приятно окунуться в созданную им атмосферу острой шутки и задора. Приятно, что театр общается с зрителем запросто, по-приятельски, не считая его чем-то вроде недовоспитанного выпускника неполной средней школы, которого надо предостерегать от «недопонимания» и кормить стерильными молочными смесями. И самое приятное, что театр весел. Что смеются здесь не на сцене (как это бывает), а в зале...

Веселые выдумщики — создатели спектакля (и, конечно, его душа — В. Поляков) часто поражают удачной находкой, острым словом, неожиданным поворотом действия... Вот обеспокоенные родители провожают сынка, видимо, на опасное предприятие. Папа заклинает его «на случай чего беречь легкие», мать плачет, как в старину на проводах новобранца. Но куда идет их чадо? На... танцплощадку... А разве не смешно, когда некий турист, делясь впечатлениями, заглядывает то в шляпу, то за кромку галстука, то в туфель: фабричные марки заграничного барахла — единственные памятные вехи его путешествия...

По самой своей природе театр миниатюр должен быть театром мастеров, оригинальных дарований и крепкого ансамбля. Конечно, в столь молодом коллективе для многих только начался страдный путь к мастерству. Но «заявки» сделаны. Монолог девушки с танцулек у М. Полбенцевой — это трогательно, тонко, умно. Найти в такой маленькой, неустроенной жизни «доброе семя» — счастливый актерский дар. И у Р. Рудина, герои которого так смешны с их невозмутимо постной физиономией, и у таких «многоликих» в спектакле — О. Вахмистровой, З. Высоковского, Т. Витченко, Ф. Ивановой, В. Ширяева есть своя актерская лукавинка. Да и весь коллектив увлеченно веселит зрителя.

Но вот, насмеявшись досыта и даже смахнув слезинку, решаешься поговорить всерьез (а о смешном ведь должно говорить серьезно). И, оказывается, повод для разговора есть.

Оглядываясь на спектакль, видишь, что было в нем нечто «необязательное». А это более чем противопоказано сценической миниатюре, где каждое пустое слово не просто «затягивает действие», а убивает его.

Некоторым, например, «трагедия» «Ромео и Джульетта» (не В. Шекспира, конечно, а В. Полякова) показалась слишком театральной. Но дело не в театральности, а в том, что автор пространно не всегда доказательно убеждает в том, в чем давно убедил Маяковский, что любовь у нас потрагиднее монегинской любви.

На снимке: сценка из миниатюры «Ромео и Джульетта». Ромео — В. ШИРЯЕВ, Джульетта — Т. ВИТЧЕНКО.

Фото П. Когана.

И от ряда других миниатюр остается впечатление чего-то незавершенного. Словно, был взят разгон, и вдруг — своя остановка!

Чудесно задумана сценка «У каждой девушки есть своя мечта». Пять девушек — пять избранников: десять ярких характеров. Так по замыслу. А на сцене — бесцветный «положительный парень», примелькавшийся дачевладелец и подвыпивший старикан неизвестного назначения...

Еще печалишься, что многие сатирические «залпы» звучат приглушенно. В «Возвращении Остапа Бендера» умно сказано, что нетипичное не значит безвредное. Но какой безвредной мелкотой выглядят наследники Бендера — спекулянтка с напитками, легкомысленные «фрифы»...

Человек острого ума, польский поэт Юлиан Тувим в шутку так объяснил робкие отваги от осторожности. Отважно подойти к боксеру и выругать его при всех. Осторожность — сказать то же, но по телефону. А разве сам подзаголовок к «Возвращению Бендера» — «Проходящие тени» — не прием «телефонной отваги»? Увы, пока это не тени и даже не «пни», как утверждает театр. Еще орудуют в темных углах жизни трансформирующиеся подпольные истязатели типа Коренко, да и Бендеру не всегда сидится за «обложкой классической книги».

И о программе в целом. Самая смешная миниатюра в ней «Рррреность!» — пародийная переделка старого фарса. Что она смешит — хорошо. Но в том, что она самая смешная, что-то обидное. Если столь легкий фарс так тяжело ложится на весы программы, значит, на другой их чаше недостает чего-то более увесистого, значительного, богатого приметами времени.

Честно говоря, очень хочется, чтобы театр уехал не только с приятным сознанием заслуженного успеха, но и с мыслью о том, что надо идти дальше, на смелый поиск.

У талантливого руководителя театра В. Полякова, так же как и у его героинь, есть своя мечта. В одной из его веселых книг он, ссылаясь на опыт вузовских «дней открытых дверей», пишет: «Я хотел бы, чтоб был такой день, когда откроются все сердца...» Театр давал ему такую возможность: раскрыть и «уловатое» сердце стяжателя, и смердящее сердце подлеца, и «светлые, яркие, сильные, красивые сердца честных людей, бьющиеся во имя жизни и счастья».

И хотя в показанной программе он далеко не исчерпал этой своей возможности, хочется верить — мы еще увидим настоящий «Театр открытых сердец». Пусть не в этот раз, так в следующий...

Д. ГЛИКШТЕЙН.